

ренную необходимость их друг для друга, что становится очевидно: речь идет не просто о намерениях, предположениях, обещаниях автора, а о глубоко продуманном, выношенном писателем и в основных своих чертах определенном творческом замысле, из которого он исходил, как приступив к написанию «Братьев Карамазовых», так (в этом мы наглядно убедились) и в течение всей последующей работы над ними. Поэтому если, по пояснению Достоевского, первый и написанный им роман необходим для понимания второго и главного, то, в свою очередь, для наиболее полного и глубокого понимания первого крайне важно иметь в виду наличие, пусть еще творчески не воплощенного, присутствующего лишь в сознании писателя, романа второго. И не просто иметь в виду, а и попытаться составить, не в порядке субъективных домыслов, а научно выверенное и обоснованное представление, заранее можно сказать, крайне неполное, но все же более конкретное, чем это дано автором в его предисловии.

Для этого, видимо, имеется единственный и еще никем не проторенный путь, в известной мере (*mutatis mutandis*) аналогичный применяемому в точных науках методу экстраполяции настоящего в будущее, опираясь на весьма немногочисленные и очень скудные свидетельства современников о содержании задуманного Достоевским второго романа, снова — под этим углом зрения — аналитически перечесть первый из них.

По завершении работы над «Братьями Карамазовыми» Достоевский не только не отказался от замысла дилогии и не охладел к нему, а, наоборот, «мечтал» полностью его осуществить. Об этом твердо сообщает А. Г. Достоевская, которая, как известно, была наиболее непосредственной свидетельницей творческого труда мужа за все последнее 15-летие его жизни: «Он решил взяться за издание „Дневника писателя“, так как за последние смутные годы у него накопилось много тревоживших его мыслей о политическом положении России, а высказать их свободно он мог только в своем журнале. К тому же шумный успех единственного номера „Дневника писателя“ за 1880 год (в нем была опубликована «Речь о Пушкине». — Д. Б.) дал нам надежду, что новое издание найдет большой круг читателей, а распространением своих задушевных идей Федор Михайлович очень дорожил. Издавать „Дневник писателя“ Федор Михайлович предполагал в течение двух лет, а затем мечтал написать вторую часть „Братьев Карамазовых“, где появились бы почти все прежние герои, но уже через двадцать лет, почти в современную эпоху, когда они успели бы многое сделать и многое испытать в своей жизни. Намеченный Федором Михайловичем план будущего романа, по его рассказам и заметкам, был необыкновенно интересен, и истинно жаль, что роману не суждено было осуществиться»¹.

Особенную авторитетность этому свидетельству Достоевской придает то, что именно ей были посвящены «Братья Карамазовы». Тем не менее подойти к ее словам необходимо с должным критицизмом. В ее сообщении вкрались некоторые неточности. Действие второго романа начиналось не через 20, а, как указывает автор в предисловии, через 13 лет и не «п о ч т и в современную эпоху», а, как сказано в предисловии, «именно в н а ш т е п е р е ш н ы й т е к у щ и й м о м е н т». Очевидно, неточно и называть задуманную вторую часть дилогии второй частью «Братьев Карамазовых»; судя по предисловию, второй роман получил бы и другое заглавие. Все это мелочи, объясняемые, вероятно, тем, что свои воспоминания Достоевская оформляла лет 35 спустя, а к тексту первого романа для проверки деталей не обращалась. Но очень важно указание о том, что Достоевский рассказывал жене о «плане» второго романа и даже делал предварительные к нему «заметки». К несчастью, рабочая тетрадь Достоевского, в которой, очевидно, и находились эти «заметки», бесследно исчезла.

¹ Достоевская А. Г. Воспоминания, М., «Художественная литература» 1971, стр. 370.